

Чепель Наталья Павловна

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЗНАЧЕНИЙ РЕАЛИЙ

В настоящей статье рассматриваются вопросы перевода реалий в прагматическом аспекте. Автор предпринимает попытку проанализировать способы перевода, а также приемы прагматической адаптации наименований денежных единиц на материале переводов произведений русской классической литературы на английский язык. Особое внимание уделяется степени прагматической адекватности применения различных способов перевода реалий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/3/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 101-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

помощью к собеседнику (уточнить вопрос, переспросить и др.); использовать мимику/жесты (вообще и в тех случаях, когда языковых средств учащегося не хватает для выражения тех или иных коммуникативных намерений); переключать разговор на другую тему.

Таким образом, в результате анализа представленных выше определений и классификаций стратегий мы приходим к выводу о том, что стратегии по своей сути понимаются как умения учащихся находить выход из создавшихся проблемных ситуаций и эффективно справляться с поставленными задачами. Для обеспечения большей эффективности межкультурной коммуникации необходимо уже на начальном этапе обучения иностранному языку формировать у учащихся стратегическую компетенцию, используя для этого различные коммуникативные стратегии.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Бондаренко О. В. Межкультурные аспекты коммуникативной компетенции на иностранном языке // Методы и организация обучения на иностранном языке в языковом вузе. М.: МГЛУ, 1991. Вып. 370.
3. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти-Глосса, 2000.
4. Гез Н. И. Текст лекций по курсу «Методика обучения иностранным языкам в высшей школе». М.: Наука, 1979.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Наука, 1989.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Прогресс, 1987.
7. Карева Л. А. Использование стратегической компетенции в процессе обучения устному общению в аспекте диалога культур: дисс. ... к. пед. н. М.: МГЛУ, 2000.
8. Кузнецова Г. А. Формирование стратегической компетенции в процессе обучения чтению: дисс. ... к. пед. н. М.: МГЛУ, 2004.
9. Халева И. И. Гендерный фактор в языке и коммуникации // Сборник научных трудов МГЛУ. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 446.
10. Халева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989.
11. Carol J. Orwig [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sil.org> (дата обращения: 10.09.2007).
12. Cohen A. D. Studying Learner Strategies: How We Get the Information // Learner Strategies in Language Learning. N. Y.: Prentice Hall, 1987.

STRATEGIC COMPETENCE FORMATION AT THE INITIAL STAGE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Natal'ya Igorevna Tsvetkova, Ph. D. in Pedagogy

Department of the English Language № 1

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
nacvetkova@yandex.ru

The author reveals the content of the notions "strategic competence", "strategies" and "communicative strategies" as applied to a foreign language teaching, pays special attention to strategic competence formation methods at the initial stage, analyzes different classifications of teaching strategies, and comes to the conclusion that the successful formation of strategic competence improves students' attainment level.

Key words and phrases: teaching process; teaching foreign language; initial stage of teaching; strategic competence; communicative competence; teaching strategies; communicative strategies; language personality.

УДК 81'255.2

В настоящей статье рассматриваются вопросы перевода реалий в прагматическом аспекте. Автор предпринимает попытку проанализировать способы перевода, а также приемы прагматической адаптации наименований денежных единиц на материале переводов произведений русской классической литературы на английский язык. Особое внимание уделяется степени прагматической адекватности применения различных способов перевода реалий.

Ключевые слова и фразы: историческая реалья; реалии-деньги; сохранение национально-исторического колорита при переводе; прагматическая адаптация; адекватность.

Наталья Павловна Чепель, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков

Факультет истории и международных отношений

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

chenat_74@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЗНАЧЕНИЙ РЕАЛИЙ[©]

На протяжении долгого времени реалии являются предметом подробного рассмотрения в рамках переводческих исследований. Проблемы определения понятия «реалия» и общей классификации способов их перевода поднимались в работах отечественных и зарубежных переводоведов, таких как С. Влахов и

С. Флорин, П. Ньюмарк, В. Н. Комиссаров, А. О. Иванова и др. Важно подчеркнуть, что большинство исследователей, занимающихся изучением реалий, подчеркивают необходимость учета прагматических факторов при переводе этих лексических единиц. При этом к прагматическим факторам относят:

- 1) национальную специфику и фоновые знания получателя перевода;
- 2) функциональную роль реалии в том или ином сообщении;
- 3) жанрово-стилистические особенности материала.

Учет прагматических факторов необходим потому, что они, по мнению А. Д. Швейцера, могут рассматриваться как «наиболее важные фильтры, определяющие не только способ реализации процесса перевода, но и сам объем передаваемой информации» [7, с. 244]. Всесторонний учет прагматических факторов при переводе дает возможность установить определенные закономерности, обуславливающие выбор того или иного способа перевода. Он позволяет значительно глубже изучить диапазон переводческих приемов, способов прагматической адаптации, которые используются для передачи значений слов, служащих для обозначения предметов, понятий и явлений, отсутствующих в иной культуре и ином языке, относящихся к частным культурным элементам, не имеющих устойчивых эквивалентов за пределами языка, которому они принадлежат, т.е. реалий.

В настоящей статье нам хотелось бы проанализировать способы перевода, а также приемы прагматической адаптации наименований денежных единиц на материале переводов произведений русской классической литературы на английский язык.

Как уже указывалось выше, одним из прагматических факторов, определяющих стратегию перевода, является учет адресата, т.е. фоновых знаний получателя перевода. Перевод художественных произведений не имеет точного адресата. С точки зрения теории перевода - это «усредненный рецептор», т.е. типичные представители культуры ПЯ, которые обладают знаниями и представлениями, общими для большинства членов языкового коллектива. Переводчики русской классической литературы ориентируются именно на такого обобщенного англоязычного адресата. Его восприятие переводимого текста определяется не личностными характеристиками, а культурно-историческими особенностями данного народа, фоновыми знаниями об исторических реалиях русского языка, которые могут иметься, в принципе, у большинства носителей ИЯ, и отсутствовать, как правило, у большинства носителей языка, на который осуществляется перевод. Очевидно, что во многих случаях появления русской исторической реалии в тексте перевода знания иностранного читателя о ней могут оказаться равными нулю. Для обеспечения адекватного понимания текста адресатом перевода, в частности английским, американским или любым англо-говорящим читателем, необходимо внесение поправок на прагматические различия между ИЯ и ПЯ. При выборе способа перевода переводчик не может не учитывать прагматическую пресуппозицию, т.е. он должен правильно оценивать общий фонд знаний, информированность, способности понимания предполагаемого адресата перевода [6, с. 46].

Яркая представительность денежной единицы любой страны очевидна. Валюта настолько тесно связана со своей страной, что является, так же как, например, герб, ее своеобразным символом: *фунт* естественно переносит нас в Англию, а *рубль* говорит о российской действительности. Несомненно, нельзя забывать о том, что реалии-деньги (термин С. Влахова, С. Флорина) могут быть строго индивидуальными, связанными в любом случае с одной определенной страной - *злотый* (Польша), *тугрик* (Монголия) и т.д., или требующими уточнения своей национальной принадлежности - *фунт* является основной валютой 31 страны. Следовательно, встретив в тексте оригинала наименование какой-либо денежной единицы, переводчику следует «отнестись к ней с особым вниманием».

Способы перевода реалий-денег представляют для нас особый интерес еще и потому, что события в литературных произведениях, на основе которых проводился сопоставительный анализ, разворачиваются в 18-19 веках. Это тексты, в которых функция реалий-денег связана с тем временем, когда они еще не вышли из употребления, т.е. где они фигурируют как исторические реалии. Таким образом, помимо анализа приемов перевода реалий-денег как таковых, можно проследить ряд особенностей передачи исторического колорита соответствующих лексических единиц при переводе.

Учитывая специфику анализируемых лексических единиц, их роль в передаче национально-исторического колорита соответствующих оригинальных произведений, можно было бы предположить, что переводчики будут широко использовать транслитерацию для передачи на английский язык русских исторических реалий. Однако, как показывает материал нашего исследования, применение этого способа перевода заметно ограничено. Например:

...один только Павлуша Чичиков отговорился неимением и дал какой-то пятак серебра, который тут же товарищи ему бросили... (Н. Гоголь. «Мертвые души»).

Only Chichikov, when appealed to, pleaded inability, and compromised with a contribution of a single piatak*, which his old schoolfellows straightway returned him... (**silver five kopeck piece - translator's note*) (transl. by D. J. Hogarth) [10].

Как видно из приведенного примера, переводчик сопровождает транслитерированную реалию пояснением. Это, безусловно, необходимо сделать вследствие отсутствия в языке перевода «материальности» (термин А. А. Реформатского), имеющейся в языке оригинала. Переводчик приводит объяснение соответствующей реалии, так как в английском языке для нее нет прямого соответствия из-за отсутствия в обиходе английской действительности называемого ею предмета. Таким образом, сопровождая транслитерированную реалию комментарием, переводчик осуществляет прагматическую адаптацию исходного текста для обеспечения адекватного понимания текста читателем перевода.

Проведенный сопоставительный анализ показал, что для достижения прагматической адекватности в случаях с русскими историческими реалиями, обозначающими наименования денежных единиц, важнее оказывается раскрыть семантическое значение реалии путем объяснения ее значения при помощи развернутого словосочетания, нежели сохранить и подчеркнуть ее национальный и исторический колорит, применив транслитерацию. Например:

Он зажмурился, пошарил рукой в кармане и поднес ко мне на ладони два пятиалтынных и гривенник (И. Тургенев. «Петр Петрович Каратаев»).

He shut his eyes, felt in his pocket, and held out to me in the palm of his hand two fifteen-kopek pieces, and one ten-kopek piece (transl. by O. Shartse) [15, p. 251].

Целковый, скажем, ей на угощенье, два - на руки. Ну, мне на табачишко сколько-нибудь... (И. Бунин. «Митина любовь»).

“...One rouble, say, to buy her a present, two in her hand, and well, something for me for my tobacco...” (transl. by David Richards and Sophie Lund) [9, p. 139].

Такой перевод нередко является по существу переводом не самой реалии, а ее толкованием. Однако он позволяет достичь высокой степени понятности для рецептора перевода при достаточно высокой точности.

Для передачи значения реалий-денег переводчики применяют также прием генерализации:

...и, выбрав из довольно большого количества купонов, только что срезанных с билетов... один - в два рубля пятьдесят копеек и присоединив к нему два двугривенных и еще гривенник, передала их приставу (Л. Толстой. «Воскресение»).

...she selected from a large number of freshly cut coupons one of the value of two roubles and fifty copecks, and adding a few silver coins' change, she handed it to the usher (transl. by Louise Maude) [14, p. 132].

При таком способе перевода дифференциальные признаки соответствующих реалий, составляющие их национальную и историческую специфику, снимаются. Но излишняя детализация в данном конкретном случае не так существенна. Слова с конкретным значением, опускаемые в переводе, заменяются более общими, но более понятными для читателя перевода.

В анализируемых переводах встречались и случаи замены русских реалий-денег словами, обозначающими иностранные денежные единицы. Например:

Там он скоро отыскал покупателя, которому уступил ее за полтинник... (И. Тургенев. «Муму»).

There he soon found a purchaser, to whom he sold her for a shilling... (transl. by Constance Garnett) [17, p. 74].

Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запертый на ключ... (Н. Гоголь. «Шинель»).

Akaki Akakievich had a habit of putting, for every ruble he spent, a groschen into a small box, fastened with lock and key... (transl. by I. F. Nagood) [11, p. 88].

...и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами гривенник (И. Тургенев. «Муму»).

...her tea struck her as particularly delicious, for which her maid was rewarded by words of praise, and by two-pence in money (transl. by Constance Garnett) [17, p. 68].

Введение в тексты переводов произведений русских авторов, описывающих российскую действительность, нерусских реалий-денег, реалий, не совместимых с местной и временной обстановкой оригинального произведения, едва ли можно считать удачным. Такие случаи можно охарактеризовать как «погрешности против национального и исторического колорита». Многие исследователи (И. Левый, А. В. Федоров, С. Влахов, С. Флорин) указывают на нежелательность передачи реалий с помощью существующих в языке перевода единиц с яркой национальной окраской, чтобы не вносить в перевод чуждый ему национальный колорит. Реалии-деньги - это лексические единицы, которые являются носителями значений, типичных для культурной, бытовой, исторической среды оригинала. Очевидно, что при переводе произведений русской литературы использование в качестве аналогов иностранных реалий придает переводу нежелательный колорит, не гармонирует с контекстом. Прав И. Левый, утверждая, что «рубли, использованные в переводе с любого другого языка на русский, перенесли бы действие в Россию» [4, с. 134]. Речь не идет о необходимости тотального использования транслитерации с целью сохранения национального и исторического колорита оригинала, но и замена таких реалий обозначениями иностранных денежных единиц, безусловно, вводит читателя в заблуждение.

Однако в некоторых случаях подобная замена оказывается, на наш взгляд, вполне приемлемой:

“Так вы думаете, сыщите такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?” (Н. Гоголь. «Мертвые души»).

“I suppose you hope to find fools ready to sell you souls on the census list for a couple of groats apiece?” (transl. by D. J. Horgath) [10].

В данном примере двугривенный (безусловно яркая русская реалия) не воспринимается буквально. Реалия здесь используется расширительно, подчеркивается незначительность суммы, которую предлагает Чичиков. И хотя в переводе использована иностранная денежная единица, это не придает контексту не свойственной ему окраски. Отказ от передачи национально-исторического колорита в переводе не приводит к значительному искажению смысла подлинника. Главное, что удается сохранить переводчику - это смысловое содержание оригинала. То же самое можно сказать и о следующем примере:

...со времени управления Софрона за Шипиловскими крестьянами не водится ни гроша недоимки... (И. Тургенев. «Бурмистр»).

...since Sofron had been in charge, the peasants of Shipilovo had not been a farthing in arrears... (transl. by Charles and Natasha Hepburn) [16, p. 146].

Использование в переводе названия английской монеты в данном случае, на наш взгляд, оправданно. Употребленная в переносном значении реалия *grosh* полностью утратила свою конкретность, точное стоимостное значение, а как следствие, и национальную окраску. Применение же переводчиком аналога *farthing* (как и в предыдущем примере реалии *groat* («*двугривенный*»)) с историческим оттенком значения позволяет соблюсти нужную историческую перспективу, наметить «дистанцию времени», отделяющую читателя от времени создания подлинника.

В приведенных примерах очевидна попытка не только передать образное значение, но и воссоздать историческую перспективу путём подбора аналогичного понятия в ПЯ с той же стилистической функцией, хотя и с не совпадающим денотативным значением.

В случаях, когда реалии-деньги употребляются в переносном значении, переводчики иногда применяют также прием генерализации, как в следующем примере:

...когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев (А. Пушкин. «Пиковая дама»).

...when sleep at last overcame him, in his dreams he saw himself seated at a green table piled with notes and gold (transl. by R. S. Townsend) [13, p. 14].

Переводчик, избегая большой конкретности и вещественности описания в оригинале, прибегает к приему генерализации, ведущему в данном случае к незначительным смысловым «жертвам».

Подводя итоги изложенному, хотелось бы еще раз подчеркнуть мысль о том, что неотъемлемую часть общей стратегии переводчика при переводе реалий составляет культурно-прагматическая адаптация. Она предполагает включение в текст перевода дополнительных поясняющих элементов, исключение из него элементов, избыточных с точки зрения иноязычного получателя, а также ряд смысловых преобразований, таких как, например, генерализация.

На основании проведенного сопоставительного анализа можно говорить о том, что преобладающим способом перевода русских исторических реалий-денег в текстах переводов художественных произведений является описательный перевод. Представляется, что объяснением такой тенденции может служить влияние на стратегию переводчиков такого прагматического фактора как тип адресата перевода.

При переводе реалий-денег на английский язык переводчики иногда сознательно отходят от оригинала, включая в текст перевода названия иностранных денежных единиц. И хотя чаще всего введение в текст перевода ярко выраженной иностранной реалии не способствует сохранению прагматического потенциала оригинала в переводе, в некоторых случаях (как было показано на конкретных примерах) такой способ прагматической адаптации можно считать приемлемым.

В целом, исследование такого частного вопроса перевода, как возможности передачи русских исторических реалий, обозначающих наименования денежных единиц, на английский язык, представляет существенный теоретический интерес как часть более общего вопроса о возможности достоверного воспроизведения национального и исторического своеобразия подлинника с помощью средств того языка, на который делается перевод.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Высш. школа, 1986. 416 с.
2. Иванова А. О. Безэквивалентная лексика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 192 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высш. школа, 1990. 252 с.
4. Левый И. Искусство перевода / пер. с чешского. М.: Прогресс, 1974. 398 с.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. 5-е изд., перераб. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский дом «Филология Три», 2002. 416 с.
6. Чепель Н. П. Прагматические аспекты перевода реалий-историзмов // Вопросы филологии. 2009. № 2 (32). С. 43-48.
7. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
8. Bunin Ivan. Stories and Poems. М.: Progress Publishers, 1979. 206 p.
9. Bunin Ivan. The Gentleman from San Francisco and Other Stories. Penguin Books, 1987. 236 p.
10. Dead Souls by Nikolai Vas. Gogol [Электронный ресурс]. URL: http://www.gutenberg.org/catalog/world/readfile?fk_files=1444502 (дата обращения: 5.03.2012).
11. Gogol Nikolai. The Overcoat and Other Short Stories. Dover Thrift, 1992. 103 p.
12. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford: Pergamon Press, 1981. 200 p.
13. Pushkin A. The Queen of Spades. L.: Dent; New York: Dutton, 1958. 147 p.
14. Tolstoi Lyof N. Resurrection. N. Y.: Thomas Y. Crowell & Company, 1899. 278 p.
15. Turgenev Ivan. A Hunter's Sketches. М.: Raduga Publishers, 2000. 278 p.
16. Turgenev Ivan. A Sportsman's Notebook. L.: Book Society, 1959. 312 p.
17. Turgenev Ivan. Mumu and Kassyan of Fair Springs. N. Y.: Little Leather Library Corporation, 1920-1924. 94 p.

PRAGMATIC ADEQUACY WHILE REALIA MEANINGS TRANSLATING

Natal'ya Pavlovna Chepel', Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages
Faculty of History and International Relations
Ryazan' State University named after S. A. Esenin
chenat_74@mail.ru

The author considers realia translation questions in pragmatic aspect, undertakes the attempt to analyze translation methods and the ways of monetary units names pragmatic adaptation by the material of Russian classical literature works translations into English, and pays special attention to the pragmatic adequacy degree of realia translation different methods use.

Key words and phrases: historical realia; realia-money; national-historical coloring preservation while translating; pragmatic adaptation; adequacy.

УДК 821.112.2

Статья раскрывает особенности поэтики романа «Ослепление» австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994). Особое внимание автор статьи уделяет раскрытию понятий «языковой авангардизм» и «акустическая маска». Замысел романа «Ослепление» напрямую связан с пребыванием Канетти в Берлине 30-х гг. XX века, что позволяет автору статьи рассматривать город как мифопоэтическое пространство, соединяющее в себе физическую и духовную реальность.

Ключевые слова и фразы: доминирующие принципы поэтики; «акустическая маска»; языковой авангардизм; вербальный эксперимент; превращение.

Елена Михайловна Шастина, д. филол. н., профессор
Кафедра немецкой филологии
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
shastina@rambler.ru

«РАСПАВШИЙСЯ МИР» ЭЛИАСА КАНЕТТИ[©]

Творчество австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии, Элиаса Канетти (1905-1994), чья жизнь практически «вобрала» в себя век ушедший, не перестает волновать читателя и по сей день, поскольку художник такого масштаба не мог в своем творчестве не коснуться проблем человеческого бытия, непреходящих, вечных, позволивших ему смело шагнуть в новое столетие, не утратив своей значимости и актуальности.

В жизни каждого большого художника «географическое пространство» - место его физического и духовного обитания - занимает исключительно важное место. Прага Ф. Кафки, Дублин Дж. Джойса, Нью-Йорк О. Генри, Петербург Достоевского и Гоголя - перечень может быть продолжен - города и имена, неразрывно связанные друг с другом, не мыслятся одно без другого. И, если одному городу «повезло» больше, если он - «знакомый до слез» - вмещает и автора, и его героев, оживает, впитывая лишь только ему одному присущую ауру, сохраняя при этом индивидуальность - свою и авторскую, - то о нем можно и нужно говорить, как о некой субстанции, породившей художника, являющейся живительным источником, подпитывающим его душу и воображение.

У Канетти таких мест - *Lebensstationen* - не мало. Кому повезло больше - городу или писателю - не так и важно, главное повезло читателю, который бродит вместе с Канетти по Рушуку и Вене, по Берлину и Цюриху, по Лондону и Марракешу, и повсюду находит свое - то, что искал давно и долго, свое неизведанное пространство, свой мир, узнает следы дорогих мест и местечек в полотне художественных произведений. Писательский дар преображает их до неузнаваемости, и все же они есть, они узнаваемы в деталях, в общей тональности, часто несут на себе основную смысловую нагрузку. Такой предстала, например, Вена в романе Канетти «Ослепление» - вымышленный город с реалиями австрийской столицы.

Важным событием в жизни Канетти, повлиявшем на все его творчество, явилась поездка в Берлин в 1928 году. Попав в европейскую столицу, он сразу же оказывается «в толчее имен», «где шагу нельзя ступить, чтобы не натолкнуться на знаменитость», он погружается, по его мнению, в «мир сумасшедших», поскольку многое не укладывалось в голове «молодого пуританина». «Духовная жизнь в Вене отличалась стерильностью, особой гигиеной, не допускавшей влияния извне. Едва в нее проникало что-то новое, едва об этом становилось известно из газет, как тут же это новое объявлялось вне закона и всякие контакты с ним запрещались. И вдруг совершенно иная атмосфера в Берлине, где непрерывные контакты самого разного свойства заполнили мою жизнь до отказа» (курсив в цитатах принадлежат Э. Канетти) [3, с. 175].